

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МОДУСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

СРБУИ ЛАМБАРДЖЯН

В современной лингвистике, как известно, приоритетными признаются исследования, направленные на отражение позиций языковой личности в коммуникативном акте. В формировании и реализации коммуникативных намерений говорящего роль первой скрипки, естественно, играют модусные (субъективные) значения. В начале XX в. Ш. Балли указывал на необходимость изучения двух смысловых блоков в предложении: **модусного** (субъективного) и **диктумного**, отражающего объективное содержание. Модусный блок отражает позицию говорящего, его коммуникативные намерения¹ Ш. Балли указывал и на необходимость выявления структуры модуса, компонентов, формирующих его.

На современном этапе развития семантики и прагматики структура модуса видится следующим образом:

- 1) **временная локализация**;
- 2) **пространственная локализация**;
- 3) **персонализация** (соотнесение с лицом). Это актуализационные категории, составляющие “субъективный треугольник ‘Я-здесь-сейчас’”;
- 4) **модальность**, то есть соотнесение содержания информации с плоскостями реальности/ирреальности;
- 5) **персуазивность**, отражающая степень уверенности говорящего в достоверности информации;
- 6) **авторизация**, указание на источник авторства.

Таковы обязательные компоненты модуса².

Каждый из этих элементов модуса также имеет сложное строение. Естественно, такое сложное, многогранное, разноплановое семантическое и психопрагматическое явление, как модус, имеет целый ряд особенностей механизмов взаимодействия как внутри себя, так и во внешних взаимоотношениях, т.е. отношениях модус – диктум. Как отмечает В.А. Белошапкина, есть ограничение комбинаций элементов субъективного блока. Заметив, что все субъективные смыслы в предложении связаны между собой, она подчеркивает, что эта связь “<...> проявляется в неполной свободе их комбинирования”. И дальше продолжает: “Не все комбинации этих значе-

¹ См.: Балли Ш., Общая лингвистика. М., 1955.

² О структуре субъективного (модусного) блока, точнее, формирующих его обязательных значений см.: Шмелева Т. В. Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке. М., АКД МГУ, 1979, с. 11.

ний возможны...”. Автор приводит несколько примеров и, в частности, замечает: “Сложно соотносятся вопросительность и персуазивность”³.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть особенности взаимодействия персуазивности с другими элементами модуса. Напомним, что категорию персуазивности формируют две семантические области – уверенности и неуверенности. Каждая из них имеет сложную структуру, формируемую из конкретных персуазивных значений⁴.

Наблюдения над модусной категорией персуазивности убеждают в мысли, что рассматриваемая категория активно и разносторонне взаимодействует с другими элементами модусного блока. Остановимся на некоторых аспектах этих взаимоотношений. Начнем анализ с механизмов взаимодействия персуазивности с **субъективным треугольником Я-здесь-сейчас**, так как формирующие его компоненты играют важную роль в реализации прагматических целей и задач говорящего в коммуникации.

Персуазивность и субъективный треугольник Я-здесь-сейчас. Для реализации значений из семантических областей уверенности и неуверенности каждый из компонентов субъективного треугольника (по Э.Бенвенисту⁵) – **Я/не Я** (персонализация), **здесь/не здесь** (пространственная локализация), **сейчас/не сейчас** (временная локализация) – играет важную роль. Кроме того, для раскрытия механизмов взаимодействия персуазивности с указанными компонентами необходим учет такого фактора, как “качество” диктума, так как именно объективный блок смысловой организации предложения, отраженный, в первую очередь, предикатом, обуславливает свободу реализации того или иного персуазивного значения или “накладывает запрет”, затрудняет его реализацию.

Отметим еще и следующее: в бинарной оппозиции **уверенность/неуверенность** первый член является слабым, маркированным; он зависит от ряда обстоятельств, обусловленных не в последнюю очередь и особенностями взаимодействия компонентов субъективного блока и диктума. Слабость **уверенности** обусловлена, конечно, прежде всего особенностями мировосприятия, миропостижения, миропознания. Человек познает мир – вечный икс, и, естественно, на этом пути неизвестного неизмеримо больше, чем познанного. Более того, то, что устоялось на определенных этапах развития человечества как система достоверных истин, не является чем-то незыблемым: одна система “истин” сменяет другую (например, гелиоцентрическая геоцентрическую). Значит, и здесь нет ничего неизменного, все шатко, зыбко и имеет тенденцию перехода в неуверенность. Далее, победа тотального субъективизма в экзистенциалистской и

³ Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., Высшая школа, 1981, с.479.

⁴ Подробнее см.: Ламбарджян С.П. Значение уверенности/ неуверенности в разных типах простого предложения в русском языке. М., АКД МГУ, 1982.

⁵ См.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., Прогресс, 1974.

постэкзистенциалистской философии (когда под вопрос ставится не только существование объективного, вне Я-Эго, мира, но и существование самого субъекта) привела к тому, что уверенность в чем-либо, можно сказать, вообще “снимается с повестки”. И тем не менее, есть определенные ситуации, положения дел, когда человек, забывая о тотальном субъективизме в философии, руководствуясь “здравым смыслом”, считает возможным выразить уверенность. И это, в первую очередь, ситуации, когда сам говорящий (Я) наблюдает непосредственно (здесь и сейчас) конкретное явление (диктум).

Именно поэтому анализ начинаем с механизмов взаимодействия персуазивности с “начальным членом” парадигмы субъективного треугольника ‘Я-здесь-сейчас’, то есть: **персуазивность+Я-здесь-сейчас+предикат конкретного действия**.

Данное сочетание наиболее благоприятствует реализации значений из семантической области уверенности, тогда как выражение значений неуверенности требует целого ряда условий. И это неудивительно, так как здесь сам говорящий оценивает свои конкретные действия. Смысловая структура предложений с рассматриваемым сочетанием с позиций персуазивности имеет следующее прочтение: ‘Я, говорящий, здесь сейчас непосредственно наблюдаю конкретное явление и уверенно констатирую’.

Рассмотрим примеры:

- *Что ты делаешь?*
- *(Я) читаю/пишу письмо/слушаю музыку...*

Данная ситуация предлагает два варианта общения: а) очное; б) заочное (например, разговор по телефону). Оба варианта дают один результат: говорящий передает реальное положение дел.

В рассматриваемой ситуации введение вводно-модальных слов, сигнализаторов персуазивных значений, затруднено. Это относится не только к сигнализаторам неуверенности (*может быть, наверно, кажется...*), но и к так называемым носителям значений из области уверенности (*конечно, несомненно, разумеется* и под.). И это естественно: рассматриваемое сочетание отражает ситуацию, когда наиболее подходит реализация констатации явления, то есть выражение уверенности, причем имплицитно (нулем).

Как только вводятся сигнализаторы персуазивных значений – вводно-модальные слова и частицы, картина меняется: или эти предложения становятся некорректными, или для их “оправдания” необходимы дополнительные условия.

Рассмотрим некоторые из подобных реализаций и попытаемся показать, в каких ситуациях они корректны:

Я, конечно, читаю. Данное выражение имеет смысл, если: 1) это ответная реакция на реплику: - *Ты, конечно, читаешь.* – *Я, конечно, читаю...*

И здесь *конечно* реализует скорее свою стилистическую функцию: инициатор с помощью *конечно* передает сложный смысловой комплекс: ‘Как я и предполагал, ты, как всегда, читаешь’. Инициатор знает, что это любимое занятие адресата. И ответ: *Я, конечно, читаю* – шутливое подтверждение того, о чем говорится в реплике инициатора, то есть реализуется значение: ‘Ты правильно догадался’.

1) Когда общение заочное. Это ситуации, когда на реплику *Догадайся, чем я занят/что я делаю* звучит ответ *Ты, конечно, читаешь*, то есть ‘Ты только этим и занят, и я предполагал, что и сейчас ты занят этим же’. И ответ *Я, конечно, читаю* имеет ту же стилистическую окраску, что и в случае 1).

2) Рассматриваемое предложение может отражать тяжелые, напряженные, сомнамбулические состояния личности. Так, в состоянии психических перенапряжений Я-Эго не всегда может адекватно оценивать даже свои конкретные действия. Например, в контекстах типа *Что же я делаю? Никак не соберусь с мыслями. Я, конечно, читаю*. И здесь *конечно* максимально сближается по выражаемому значению с *может быть*. Сравним в том же контексте: *Я, конечно/ может быть/ наверно, читаю*. В этих случаях в состоянии неадекватности говорящий пытается понять, осмыслить, идентифицировать свои поступки, и *конечно, может быть* выражают предположение.

Сходная картина наблюдается и в случае с *кажется*: *Я, кажется, читаю*.

Можно сделать вывод, что при сочетании **Я-здесь-сейчас+предикат конкретного действия** нейтрализуются различия между антонимичными персуазивами *конечно* и *может быть, кажется*... Естественно, полной синонимии здесь не наблюдается, потому что при употреблении *конечно* Я-Эго выражает надежду, что он адекватно отражает конкретное действие; при использовании *может быть, наверно* и под. пытается разобраться в своих возможностях постичь ситуацию, а при реализации *кажется* он хочет передать свои некоторые сомнения в адекватности оценки. И тем не менее, все они объединяются под эгидой неуверенности, с одной стороны, и передают пограничное психомыслительное состояние говорящих – с другой.

Еще раз подчеркнем, что употребление вводно-модальных слов – сигнализаторов неуверенности в рассматриваемом сочетании является часто встречающимся стилистическим приемом в художественном тексте.

Приведем примеры:

- *Вот, говорит, примите, мамаша, от неизвестного.*
- *Я, кажется, не прошу. Чего вы мне рубль пихаете? Может, я дочку жду!* (М. Зощенко, “Голубая книга”)

Картина механизмов взаимодействия существенно трансформируется

при изменении одного из параметров, особенно в случае временного параметра и диктума. Покажем это на примерах. Так, если корректность предложений типа *Я, может быть, читаю* требует целого ряда условий, то *Я, может быть, читал/ кажется/ наверно... читал* – не вызывает вопросов. Почему? Потому что перевод стрелок времени в прошлое снимает запреты, что обусловлено психомыслительным фактором – забывчивостью. И это позволяет свободно реализовать любые значения из областей и уверенности, и неуверенности.

Интересные результаты наблюдаются и при трансформации “сейчас” в “не сейчас” – будущее время. Здесь важна и фактура оцениваемого: условно можно время разделить на объективное и субъективное. Объективное как бы не зависит от субъекта; так (по конвенциональной договоренности), большая часть человечества признает существование вне зависимости от Я-Эго времен года, месяцев, недель, дней недели, часов... И поэтому не выпадает из логического контекста любая реализация типа *Конечно, скоро наступит лето* (если идет весна); *Естественно, за пятницей придет суббота* и т.п., но в этих ситуациях накладываются ограничения на выражение значений из семантической области неуверенности. Например, предложения типа *Мне кажется/ по-моему/ может быть, за январем наступит февраль* требуют особых объяснений, чтобы оставаться в рамках корректности: языковая личность сигнализирует о своем философском смещении в сторону тотального субъективизма, когда и общечеловеческие договоренности его не убеждают, или же здесь наблюдается неадекватное психомыслительное состояние.

Приведем пример “философского смещения”, когда один из партнеров сомневается в принятом ходе событий и, соответственно, будущего реального:

- *Так что же все-таки происходит?*
- *Просто зима.*
- *Просто зима, полагаете вы?*
- *Да, полагаю.*
- *Что же за всем этим будет?*
- *Будет январь.*
- *Будет январь, вы считаете?*
- *Будет...* (фрагмент песни из х/ф “Москва слезам не верит”)

Что касается субъективного будущего, то в любом случае – это всегда прогноз, возможная реализация планируемого, и здесь речи быть не может о реализации значений уверенности. Так, предложения типа *Я абсолютно уверен/ не сомневаюсь// конечно/ несомненно... Петр поступит в университет* и под. – это всего лишь прогноз – предложение с высоким эмоциональным фоном, желанием, чтобы это осуществилось. И поэтому они в определенном смысле синонимичны предложениям типа *Я думаю/ наде-*

юсь/ предполагаю// наверно/ скорее всего, Петр поступит в университет.

О предположительности, прогностичности фактуры будущего субъективного писали многие великие. Приведем примеры:

Креонт: Покажись скорей, мой последний день!

Хор: То о будущем, а ты о настоящем

Заботься. Будущее – от богов. (Софокл, Антигона).

Это мировидение, миропостижение зафиксировано в паремиях типа *Человек предполагает, а Бог располагает.*

На судьбу реализуемого персуазивного значения влияет и изменение параметра *здесь/не здесь* (то есть пространственной локализации партнеров коммуникации). Одно и то же предложение-высказывание отражает разные персуазивные ситуации.

Рассмотрим примеры:

Ты, конечно, читаешь.

Данное выражение имеет следующие прочтения: 1) в контексте – *Как ты думаешь, что я делаю? –Ты, конечно, читаешь.* «Положение дел» с необходимостью требует заочного общения. При этом говорящий репликой *Ты, конечно, читаешь* (которая, как было показано выше, синонимична *Ты, возможно, читаешь; Ты, наверно, читаешь* и под.) хочет подчеркнуть, что инициатор диалога только и занимается тем, что читает, и это всем известно.

2) второе прочтение отражает двуфазовость ситуации: предложением *Ты, конечно, читаешь* говорящий передает сложный смысловой комплекс перехода от неуверенного знания (предположения) к подтверждению (переходу к уверенности). Первая фаза обязательно предполагает ситуацию **не здесь** (т.е. партнеры коммуникации дистанцированы); вторая фаза требует очности (**здесь**), когда говорящий воочию убеждается в соответствии своего предположения действительному положению дел. И выражение *Ты, конечно, читаешь* обозначает: ‘Я верно предполагал, идя к тебе, что ты читаешь’.

Итак, как показал анализ, существует целый ряд механизмов взаимодействия субъективного треугольника с персуазивностью, которые а) накладывают вето на реализацию того или иного значения из семантических областей уверенности/неуверенности; б) нейтрализуют оппозицию в одном члене – неуверенности; в) снимают всякие ограничения на реализацию того или иного значения.

Та же картина наблюдается при замене **диктумного (объективного) начала** смысловой структуры предложения-высказывания. Самые жесткие ограничения на реализацию персуазивных значений накладывает **предикат конкретного действия**; замена его предикатом другой семантики облегчает реализацию рассматриваемых значений даже при наличии таких “жестких” параметров, как ‘Я-здесь-сейчас’.

Рассмотрим примеры:

- 1) *Я заболела* (предикат со значением физического состояния субъекта);
- 2) *Я ревную* (предикат с семантикой психического состояния субъекта).

Здесь не наблюдается никаких ограничений на реализацию персуазивных значений. Сравним: *Я, конечно/ несомненно.../ может быть/ наверно/ кажется/ видимо... заболела. Я, конечно/ несомненно.../ может быть/ наверно/ кажется/ видимо... ревную.*

Корректность данных предложений не ставится под сомнение, так как физические, психоэмоциональные состояния личности, даже если она сама оценивает свое состояние, – это икс, поэтому здесь наблюдается господство неуверенности. И, следовательно, в рассматриваемых случаях все сигнализаторы (даже такие, как *конечно, несомненно, вне всякого сомнения, я абсолютно уверен*) вектором направлены на неуверенность, то есть это тоже одна из позиций нейтрализации оппозиции в одном из членов – в неуверенности.

Думается, что проведенный анализ убедительно подтверждает мысль о том, что персуазивность активно взаимодействует с таким компонентом модуса, как **актуализационный треугольник** ‘Я-здесь-сейчас’. И механизмы взаимодействия усложняются еще больше, если имеем дело с предикатом конкретного действия.

Персуазивность и категория модальности. Наблюдения над языковым материалом показывают, что здесь, как и в случае актуализационных категорий, есть целый ряд особенностей взаимодействия, но они совсем иного характера.

Как известно, субъективная категория модальности включает две семантические области: реальности и ирреальности. Реальность отражает положение дел в прошлом-настоящем-будущем, то, что было, есть, будет в реальности. Ирреальность трансформирует это положение дел, “переводит стрелки” в область нереальности, предположительности, прогностичности.

Проведенный выше анализ **персуазивность+Я-здесь-сейчас** выявил целый ряд особенностей взаимодействия этих модусных категорий на основе модальности реальности.

Здесь же обратимся к ирреальным модальностям с целью убедиться, так ли уж ирреальны значения из этой области, так как из предыдущего анализа стало ясно, что не все составляющие из области реальности являются собою действительно реальное положение дел (см. о механизмах взаимодействия персуазивности и ‘Я-здесь-не сейчас’- будущее время, где имеем дело с прогнозом, который намного ближе к ирреальности, чем к реальному положению дел, а точнее, и есть одна из реализаций ирреальности).

Ирреальные модальности, как известно, это **императив, сослагательность, условность, желательность, долженствование**. В лингвистической литературе **императив** (модальность побудительности) характеризуется следующим образом: “Форма синтаксического побудительного наклонения обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо”⁶.

Персуазивность и императив соотносятся следующим образом: для волеизъявления необходимо, чтобы некто выполнил то, что считает нужным говорящий. Так, если говорящий отдает приказ: *Открой окно!* реальное положение дел требует, чтобы окно было закрыто, так как если оно открыто, то это сигнализирует о двух возможных причинах: а) у говорящего проблемы со зрением; б) у говорящего проблемы с психикой, адекватностью восприятия реальности. Выражение *Открой окно!* с необходимостью предполагает следующее: ‘Я уверен, что окно закрыто, наблюдаю данное явление и поэтому требую/ прошу его открыть’. Как видим, без уверенности в том, что ситуация антонимична желаемой, приказ, просьба невозможны.

Персуазивность и сослагательность. “Грамматическим значением формы сослагательного наклонения является значение возможности в неопределенном временном плане”⁷.

Прочтение модальности сослагательности с позиций персуазивности позволяет сделать ряд наблюдений. Сослагательность, действительно, может реализовать возможность в неопределенном временном плане в выражениях типа *Виктор поехал бы на конференцию, но нужны финансы/ финансов нет/ мать болеет*. В 1-ой части имеем дело с классической сослагательностью, и она подчеркивается констатацией второй части: в качестве обязательного условия здесь должен быть предикат в настоящем времени.

Картина меняется, когда информация второй части переносится в план прошедшего времени: *Виктор поехал бы на конференцию, но мать болела/ доклад не был написан и под*.

Одно из прочтений подобных предложений: ‘Виктор не поехал на конференцию, так как мать болела/ доклад не был готов’.

Как видим, здесь имеем дело с реальным положением дел, с причинно-следственными отношениями между реальными событиями. Следовательно, есть и такие реализации сослагательности, которые ирреальны лишь по форме, так как на самом деле реализуют уверенную констатацию.

Персуазивность и условность. “Форма условного наклонения не употребляется в независимой позиции: она функционирует только как придаточная часть сложного предложения. Эта форма имеет значение

⁶ «Русская грамматика». Под ред. Н.Ю. Шведовой, т. II, Синтаксис. М., РАН, 2005, с. 110.

⁷ Там же, с. 102.

стимулирующей причины, отнесенной в неопределенный временной план. <...> Временная неопределенность в контексте может быть снята определенным временным значением главной части.”⁸

Посмотрим, так ли “условна” и ирреальна условность? Рассмотрим пример: *Если бы ты пришел вечером, мы бы поговорили о работе*. Это выражение имеет ряд прочтений, из которых приведем следующие: а) ‘Приходи сегодня вечером, и мы поговорим о работе’. (Это один из косвенных способов выражения просьбы); б) ‘Ты не пришел сегодня вечером, и мы не поговорили о работе’. Здесь наблюдается уверенная констатация связанных причинно-следственными отношениями двух реальных событий.

Как видим, и в случае модальности условности не все “так ирреально, как кажется”. И здесь наблюдается яркое проявление асимметричности языкового знака, когда форма указывает на ирреальность, а некоторые из семантических прочтений указывают на реальное положение дел, то есть уверенную констатацию. Следовательно, и в этом случае грамматика предпочитает форму содержанию.

Персуазивность и желательность. “Форма желательности означает отвлеченную устремленность к какой-либо действительности, причем эта действительность может мыслиться как неопределенно отнесенная и в будущее, и в настоящее (осуществление возможно), и в прошлое (осуществление невозможно)”⁹.

Рассмотрим пример, хотя и в определении из “Русской грамматики” отражена возможность иного прочтения: *Хоть бы отец приехал* может означать: а) ‘Очень хочу, чтобы он приехал’; но вместе с тем данное предложение содержит информацию: Отца нет там, где жаждают его присутствия. б) ‘Отец не приехал’ (и это крайне нежелательный факт). В случае данной семантизации реализовано значение уверенной констатации в эмоциональной форме. И здесь мы имеем дело с асимметричностью языкового знака: ирреальное по форме выражение имеет и весьма реальное прочтение.

Персуазивность и долженствование. В научной литературе подчеркивается, что это стилистически окрашенная форма. Долженствование определяется так: “Значением формы долженствительного наклонения является обязательность, вынужденность, предписанность осуществления чего-либо”¹⁰.

Долженствование ирреально только по форме, так как по содержанию это констатация в эмоционально-экспрессивной форме.

Так, предложение *Все танцуют, а я/ ты(=я) зубри тексты* имеет

⁸ Там же, с. 104.

⁹ Там же, с. 105.

¹⁰ Там же, с. 116.

следующее прочтение: ‘Все танцуют, я зубрю/ должен зубрить тексты, что мне крайне не нравится’.

И здесь лингвистика отдает предпочтение форме, причисляя долженствование к ирреальным модальностям, так как реализована эмоциональная констатация. Долженствование в этом плане аналогично риторическим вопросам, так как и в последнем случае имеем дело с эмоциональной констатацией, а не запросом информации.

Итак, персуазивное прочтение модальностей реальности и ирреальности убеждает в мысли, что и реальность не всегда реальна, и ирреальность не совсем ирреальна; уверенная констатация может быть а) необходимой предпосылкой реализации (побудительность); б) одной из семантических структур в ряду других (условность, желательность, сослагательность); в) единственным значением (долженствование).

Рассмотрев взаимодействие персуазивности с некоторыми из «соседей по модусу», можно отметить, что данная категория активно взаимодействует с другими субъективными значениями, причем механизмы взаимодействия весьма разнообразны. Прочтение одних модусных компонентов “через другие” выявляет ряд случаев асимметричности языкового знака, и здесь лингвистика всегда отдает предпочтение форме, а не значению.

Ключевые слова: *модус, персуазивность, диктум, модальность, субъективный треугольник*

ՄԱՐԴՈՒՄԻ ԼԱՍՏԱՐՁՅԱՆ – Սուբյեկտիվ իմաստների համագործակցության շուրջ – Հոդվածում քննարկվում են նախադասության բովանդակության կառուցվածքը կազմող իմաստների համագործակցության որոշ առանձնահատկություններ: Ուսումնասիրվում է այն հարցը, թե ինչ արգելքներ է առաջացնում սուբյեկտիվ «Ես-այստեղ-հիմա» եռանկյունին համոզվածության/ոչ համոզվածության իմաստների իրագործման գործընթացում: Լուսաբանվում են նաև պերսուազիվ կարգի և եղանակների համագործակցության որոշ հարցեր:

Բանալի բառեր – *սուբյեկտիվ իմաստներ (մոդուս), պերսուազիվ կարգ, դիկտում (նախադասության օբյեկտիվ բովանդակություն), նախադասության եղանակներ, սուբյեկտիվ եռանկյունի*

SRBUHI LAMBARJYAN – On the Interaction of Subjective Meanings. – The paper is devoted to the relations of persuasiveness and the other subjective categories: modality and triangle ‘I-here-now’. The author describes some difficulties in realizations of the persuasive meanings in these conditions and some problems of interaction of the category of persuasiveness and the grammatical mood.

Key words: *modus, category of persuasiveness, dictum, category of modality, subjective triangle*